

что я приду к ней вечером, что, как оказалось, сделал неосмотрительно.

Обед, баня, а самое главное,— потребление Рижского бальзама вместо водки в каком-то количестве—сделали меня мало адекватным. Несмотря на это, меня доставили к её дому и пожелали удачи. Дама меня встретила чаем с вареньем, что несколько ослабило моё напряжение. Осмотревшись, я увидел богатый дом с явным оттенком интеллигентности. Мне следовало извиниться и зайти в другой раз, но остановить меня у книг было трудно. Хозяйка это уловила и согласилась продать только одну вещь. Она, видимо, хорошо ориентировалась в порядке цены на неё, что сказало на том, что она без колебаний её назвала. Вещь-то была редкая и ценная—полный комплект журнала «Жар-птица» в двух переплётах. Цена для меня оказалась подходящей, и я без колебаний заплатил её, оставшись совсем без денег, надеясь на рижских хозяев. Больше она ни о чём разговаривать не пожелала, как и не пожелала получать радости от дальнейших встреч со мной. Так я оказался жертвой рижского бальзама; разумеется, я никогда больше не употреблял его в таком количестве и качестве.

Одна из купленных в тот период книг оказалась довольно редкой, и то, что она числится в составе библиотеки А. С. Пушкина, придавало ей особую значимость. Но узнал я про это после того, как нерасчётливо расстался с ней. У меня её до сих пор нет, а комплект журнала «Жар-птица» живёт у меня и поныне. После этого приезда я ещё несколько раз бывал

в Риге, но похвастаться интересными приобретениями не могу.

Кроме перечисленных городов, мне удалось приобретать книги ещё в Иваново, Курске, Костроме, Владимире, Уфе, Гродно, Пятигорске, Ростове-Ярославском, Архангельске, Муроме и Нижнем Новгороде. Всё, что было приобретено в этих городах, перечислять не имеет резона. А вот как в город невест и ткачих попал томик «Езда в остров любви», печатанный 2м тиснением в 1778 году, в хорошем виде, я до сих пор не пойму. Мне эту книгу подарили ивановские автомобилисты, у которых я читал лекцию по путёвке «общества», как его называли в народе упрощённо «по распространению».

Итак, конец статистическому рассказу. 57 лет, 32 магазина в 3х крупных городах и в 22 других городах страны. Вот, что мне удалось вспомнить. Рассказал, чтобы было понятным, какой огромный труд стоит за созданной коллекцией.

Недобросовестный конкурент

Ни одна страна в мире, а значит, и не один народ не пережил в XX веке столько потрясений, сколько люди, жившие в это время в границах бывшей Российской империи. Три революции, две мировых войны, монархию, социализм, да не просто какой-то, а развитой, попытки срочно построить капиталистическое общество, почти десяток инфляций, девальваций и других финансовых явлений, явно не служа-

щих благосостоянию людей, коллективизацию и т. п. И это всё за каких-нибудь сто лет, т. е. людей двух-трёх поколений.

Перечисленные выше события много раз влияли на судьбы людей, уровень их благосостояния, что не могло не отразиться на книгоиздательском и, конечно, на книгособирательском поприще. Многократно менявшаяся государственная идеология меняла ассортимент издававшихся книг, а книги многократно меняли своих владельцев (сюда, разумеется, включаются и книги, изданные до XX века). Об одном из таких случаев, в которых были смешаны истории людей и книг, я хотел бы рассказать поподробнее.

В 1957 году в букинистический магазин на Серпуховской площади, который я систематически посещал, так как он находился недалеко от места моей работы, вдруг одна дама стала приносить выдающиеся по своей сути и сохранности книги. После того, как я приобрёл несколько книг, разными путями я убедил товароведа в следующий раз, когда эта дама придёт, попросить у неё номер телефона с тем, чтобы я мог с ней поговорить. В течение длительного времени (несколько месяцев) мне удалось добиться этого. Поговорив пять или шесть раз по телефону, эта дама, наконец, разрешила мне их посетить и дала адрес. Из разговора я понял, что книг много, а что они хорошие, это я понимал и раньше. Одолжив у родных и близких сколько было возможно денег, я отправился, как говорят букинисты, по адресу. Это был старинный дом на Большой Серпуховской улице. Когда я вошёл в квартиру, то никаких книг не увидел, даже

книжных полок не было. В большой комнате сидел убелённый сединой мужчина (я не помню, дама, с которой я договаривался, была ему женой или дочерью, по возрасту она могла быть и той, и другой), которому она меня представила как добросовестного любителя книг.

Сначала мне рассказали, что мужчина был раньше (в тридцатые годы) каким-то видным деятелем, отсидел почти двадцать лет в лагерях и ссылке. Теперь реабилитирован и вернулся домой. Я выслушал эту историю с понятным нетерпением, для тех лет это была отнюдь не оригинальная история. Сотни тысяч, если не миллионы, невинно пострадавших людей, отбывших длительные сроки изоляции в сталинских застенках, возвращались домой (спасибо Н. С. Хрущёву за восстановленную справедливость), и ничего необычного мне в этой истории не показалось.

Но после беседы восстановленный в правах глава семьи распорядился. От большой стены был отодвинут диван, потом со стены снят ковёр и под ковром оказался огромный щит арочной конфигурации из какого-то лёгкого материала типа фанеры. Когда отодвинули щит, то оказалось, что он прикрывал огромную арку, которая когда-то была проходом между комнатами (сейчас такая планировка тоже модна). В этой арке от пола до потолка сделаны были полки, а на полках стояли книги. Когда я увидел открывшуюся передо мной картину, меня точно электрическим током ударило. Я увидел сойкинские собрания сочинений в издательских переплётах в отличной

сохранности, тома Понсон дю Террайля также в издательских облачениях, полные комплекты «Царской охоты» журнала «Мир искусства» в великолепных переплётах с суперэкслибрисами великого князя (какого, не помню), номерные экземпляры художественных изданий (тип. Готье), много антикварных книжек в образцовых переплётах и т. д. Книги стояли в два ряда, дом был старинной постройки, и толщина стен была достойной. У меня, естественно, разбежались глаза. Мне рассказали, что книги простояли в таком состоянии около двадцати лет, что в момент ареста на них не обратили внимания, и они остались на своих местах, дожидаясь хозяина. Родственники или родные не решались их трогать, несмотря на большую нужду. Но сейчас с возвращением хозяина решили их продать. Мне пришлось поверить в эту сказочную историю.

Книги стояли передо мной. Я, правда, успел подумать, что вернувшийся человек мог сам быть из числа работников НКВД и до своего ареста конфисковал у кого-то либо книги, либо квартиру с книгами. Такие случаи были известны. В общем, я понимал, что мне безумно повезло, что такой случай упустить нельзя. Поэтому к вопросу о ценах следует отнестись предельно аккуратно. В то время цены на сойкинские издания и другие, которые были в каталоге «Художественная литература», я хорошо знал и ошибиться не боялся. А вот цены художественных журналов, антиквариата я знал ещё плохо. И я решил взять книги разного плана. У меня была для того времени неплохая сумма, но она, конечно, была в десятки раз мень-

ше, чем общая оценка стоявших книг. На всю сумму я взял собрания сочинений нескольких авторов, заплатив за них 100 %-ную каталожную стоимость, т. е. на 20 % больше, чем если бы их отнесли в магазин; за остальные несколько книжек, главным образом, в красивых переплётах, я заплатил, как я мог себе представить, двойную цену. Хозяева, видимо, немножко ориентировались в ценах и остались очень довольны.

При мне закрыли арку, повесили ковёр, поставили на место диван, попросили у меня номер телефона, который я с удовольствием дал, и сказали, что позвонят мне для продолжения деловых связей. Мы расстались довольные друг другом, меня попросили найти покупателя на пианино марки «Бехштейн», я пообещал, только что не поцеловались на прощание. Среди купленных книг была и книга «Сатира и послания Михаила Милонова». Я понятия не имел, кто такой Милонов, и сколько она может стоить, но синий полукожаный переплёт произвёл на меня впечатление, как на Эллочку Шукину позолоченное ситечко.

Теперь-то, спустя почти полвека, я хорошо знаю, что совсем недолгую жизнь прожил поэт-сатирик Михаил Васильевич Милонов (1792-1821 гг.). Но он успел закончить Московский университет и служил в Министерстве юстиции у поэта И. И. Дмитриева, бывшего в то время министром этого ведомства.

Многие сатиры и послания Милонова печатались в альманахах и журналах своего времени. Ему также удалось выпустить при жизни и одну книгу под названием «Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения Михаила Милонова, члена СПб. Вольного об-

щества словесности, наук и художеств», СПб., 1819 г., гравиров. титульный лист. Эту книгу я и купил.

Прошло некоторое время, и меня посетил один видный книжный деятель того времени, мне даже фамилию его называть не хочется, он был намного старше и опытнее меня, и я, конечно, показал ему свои покупки. Внимательно он их осмотрел и попросил, чтобы я ему уступил книжку Милонова, мол, он давно её ищет. Я отказался, но он настаивал и предложил сумму, вдвое превышающую ту, которую я уплатил (которую он, разумеется, не знал), и я не устоял. Я подумал, что деньги мне сильно пригодятся для следующего визита на Большую Серпуховскую. Довольно долго прождав обещанного звонка, я вдруг встретил в одном букинистическом магазине комплекты журналов «Шут» явно с тех полок. Я хорошо их помнил. Тогда я позвонил и услышал страшную для них и для себя историю. Оказывается, посетивший меня старший коллега тоже каким-то образом нашёл этот адрес, проник к этим людям и рассказал им, какой я недобросовестный и в доказательство предъявил им томик Милонова, который я ему уступил, назвал, видимо, высокую цену, которую он заплатил. Короче говоря, имея неизмеримо бóльшую сумму, чем была у меня, уговорил их продать все книги сразу. При этом он внёс даже мизерный задаток за пианино «Бехштейн» и был таков. Нужно сказать, что это был импозантный мужчина 40-50 лет, представляющий себя в качестве журналиста.

Когда они поняли, что их сильно обманули и по ценам, и по продаже пианино, которое, по-моему, они

ценили выше книг, им было стыдно позвонить мне (по их словам), но коль я позвонил сам, меня пригласили посетить их. Книг уже не было, и всё это выглядело крайне грустно. Дама, допустившая такую промашку, видя моё лицо, предложила посетить их дачу в Валентиновке, сказав, что там тоже есть книги. Там, действительно, были книги, но ничего общего с виденной мною аркой не было. Я даже не помню, какие книги я взял по настоянию дамы, пригласившей меня. В очередной раз вырвав у меня обещание посодействовать с музыкальным инструментом, мы расстались навсегда.

Через довольно длительное время мне встретился в продаже в одном из арбатских магазинов запомнившийся мне томик Милонова. Я его приобрёл на память об этом печальном для меня приключении. Если же мой рассказ кого-нибудь научит, то буду считать, что купил его второй раз не зря. Синева томака, несколько потускневшая за прошедшие пятьдесят лет, меня, по-прежнему, радует.

Плоды невежества

В 1983 году в Москве неожиданно умер ещё сравнительно не старым один московский книжник, который сочетал в себе страсть к собирательству и к наживе на этой ниве. Я ни в коем случае последней фразой не даю свою оценку такому явлению, вообще-то нередко бытующему, а только констатирую этот факт. В связи с двумя направлениями деятельности после его смерти вдове, которая не была одержима

его страстями, досталось значительное наследство, состоящее из книг и графики совершенно разного плана и достоинства, от экземпляров, достойных экспонирования в музеях, до предметов, которые могут заинтересовать лишь отдельных людей, которых в качестве покупателей и ждал их покойный хозяин. Имущества было довольно много, и вдова начала его распродавать. Весь круг её покупателей мне неизвестен. Я хочу лишь об одном из них рассказать.

Я не знаю точно причины, почему из всех букинистических магазинов она выбрала магазин, где работала товароведом женщина. Возможно, ей показалось, что с женщиной иметь дело надёжнее. Вначале она отправляла в этот магазин хорошие экземпляры книг по библиографии (сборники каталогов по продаже букинистических и антикварных книг различных фирм и т. п.), потом ряд книг 20х годов, которые показались ей или её консультантам не интересными.

Так как я бывал в этом доме раньше и видел, какие книги и экземпляры там хранились, я всё ждал, когда их принесут, но не принесли. Кому они достались, я не знаю. Я, посещавший магазин во время этих продаж ежедневно, видя, что поступления прекратились, сократил число своих посещений и, наверное, напрасно, так как придя через несколько дней, мне сказали, что ещё одна партия книг была, и осталось только это. Мне показали пальцем на две очень больших папки с листами гравюр и литографий. Посмотрев издали на них, я понял, что это современная живопись, а листы очень больших размеров. Я спросил, что это такое?